

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

[ГОДЪ ПЯТЫЙ.]

Выходить еженедѣльно по дюжине
страницъ. Годовая цѣна съ пересылкою
и доставкой, равно и безъ пересылки
и доставки 6 руб.

№ 12.

Подписка принимается въ редакціи
Епархіальныхъ Ведомостей, при
Астраханской Духовной Семинаріи,
въ г. Астраханѣ.

25-го марта 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Астраханская Духовная Консисторія слушала: отношеніе строительнаго отдѣленія Астраханскаго Губернскаго Правленія, отъ 31 января сего года за № 90, коимъ въ виду дошедшихъ до него свѣдѣній, о томъ, что въ селе- нии Кормовомъ, Черноярскаго уѣзда, окончена, по утвержденному 10 июля 1872 г. проекту, постройка церкви и въ ней производится уже Богослуже- ніе безъ надлежащаго освидѣтельствованія ея въ прочности техникомъ, про- сить Духовную Консисторію — свѣдѣть распоряженія объ освященіи вновь устроенныхъ и перестроенныхъ церквей только по полученіи акта освидѣтель- ствованія работъ, произведеннаго при участіи техника. Приказали: О содержаніи настоящаго отношенія строительнаго отдѣленія Губернскаго Прав- ленія напечатать для свѣдѣнія причтовъ и прихожанъ въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“; причемъ вмѣнить тѣмъ и другимъ въ обязанность, чтобы они входили къ епархіальному начальству съ прошеніями объ освященіи вновь устроенныхъ или перестроенныхъ церквей не прежде, какъ по освидѣтельствова- ніи оныхъ техникомъ и съ приложеніемъ при нихъ актовъ свідѣтельства; въ противномъ случаѣ ходатайства ихъ будутъ оставлены безъ послѣдствій. На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства послѣдовала таковая: „1879 года февраля 28 дня. Исполнить“.

Разныя Извѣстія.

Утверждены въ должностяхъ: *предсѣдателя* церковно-приходскаго попечительства Слободской Троицкой церкви, Царевского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Гриценко* и *членовъ* оного — крестьяне: Степанъ *Ромащенко* и Иванъ *Сименко* на трехлѣтіе [27 февраля]; *церковныхъ старостъ*: къ Красноярскому Владимірскому собору, — купеческій сынъ Іаковъ *Дмитріевъ* [8 марта] и къ церквамъ Царевского уѣзда: Покровской — Средне-Погроминской крестьянинъ Павелъ *Харчевъ*, Покровской-же Зайлаинской — крестьянинъ Савелій *Куріановъ*, и къ таковой-же Широкинскій Михаилъ *Корсаковъ* [28 февраля], изъ ихъ Дмитріевъ и Корсаковъ — на первое трехлѣтіе, а Харчевъ и Куріановъ — на 4-е трехлѣтіе.

— **Опредѣленъ** исправляющимъ должность псаломщика къ Аксайской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, воспитанникъ V класса Астраханской духовной семинаріи Василій *Касіевъ* [6 марта].

— **Перемѣщенъ** настоятель кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Саворскій*, на таковую-же должность къ Полого-Займищенской Вознесенской церкви, Царевского уѣзда [6 марта].

— **Выдана сборная книга** крестьянамъ поселка Шандасты: Евтихію *Рвачеву* и Лебятію *Гладкову*, срокомъ на одинъ годъ, для сбора добродѣтельныхъ пожертвованій по Астраханской епархіи, на постройку церкви въ означенномъ поселкѣ [1 марта].

— **Праздное мѣсто** настоятеля Кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда.

ОУДВѢДЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

(Продолженіе) (1).

II. Правда философовъ древняго міра, по своимъ понятіямъ о религіи и правдивости, стояла выше простаго народа. Изслѣдывая ученіе ихъ мы находимъ, что Юпитеръ, по ихъ мнѣнію, уже не тотъ вызолоченный колоссъ, предъ которымъ благоговѣла толпа, и боги ихъ не таковы, какими создали

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. N 11.

них поэты⁽¹⁾. При всемъ томъ и они не могли ни преподавать человечеству истинной религіи, ни поддержать нравственности, во всей чистотѣ, потому что и сами не имѣли о томъ точныхъ понятій.

Извѣстно, что главные предметы религіознаго ученія—Богъ, назначеніе человека и его безсмертіе—суть предметы сверхъестественные, до познанія которыхъ философы могли доходить, либо чрезъ наведеніе, либо чрезъ аналогію, такими способами, въ заключеніи конхъ всегда бываетъ болѣе, чѣмъ въ послыкахъ. Явно, что, при этомъ условіи, безошибочныхъ познаній для нихъ и быть не могло. По крайней-мѣрѣ, мы не видимъ ни одной философской школы, которая-бы не погрѣшала, касательно важнѣйшихъ предметовъ религіи. Сколько исторія философіи представляетъ намъ мнѣній о Богѣ, изъ которыхъ одно другаго нелишье! Эпикуръ, наприм., училъ, что Богъ есть существо, праздное, ни мало не заботящееся о мірѣ⁽²⁾. Стоики утверждали, что онъ есть чистѣйшій эфиръ, находящійся въ верхнихъ слояхъ атмосферы⁽³⁾. Школа элейская проповѣдывала всебожіе⁽⁴⁾, и лучшіе изъ греческихъ философовъ не смѣли вѣрнѣе попятія о Богѣ, называлъ его, или образователемъ, тогда видимаго міра, какъ Платонъ⁽⁵⁾, или первымъ двигателемъ, какъ Аристотель⁽⁶⁾. Самъ Сократъ, о которомъ говорятъ, что онъ свелъ философію съ неба, въ предсмертныя минуты поручилъ принести жертву Эскулапу⁽⁷⁾; сдѣдовательно, кромѣ Бога истиннаго, признавалъ и боговъ черни... Есть основаніе думать, что какъ онъ, такъ и Платонъ, сливали Высочайшее Существо съ міромъ⁽⁸⁾.

Равнымъ образомъ и на вопросъ: откуда міръ и человекъ, древніе фило-

(1) Платонъ изъявлялъ негодованіе на вымыслы поэтовъ, уничтожающіе божество. Vid. *polit...* Сократъ, насмѣхался надъ богами, обыкновенно клялся дубомъ, козломъ, или собакою. Диогенъ, равнымъ образомъ, насмѣхался надъ Геркулесомъ; а римскій циникъ Варронъ насчиталъ до трехъ сотъ безголовыхъ Юпитеровъ. См. Терт. Апол. гл. XIV; также у Лакт. на стр. 61.

(2) Cicero. de nat. deorum, lib. c. 17. Lucret. c. 5.

(3) Vid. inst. histor. Philos. Bruck. ст. 229. 9. 5.

(4) См. въ ист. высокопреевъ. Филарет. стр. 157.

(5) Tim. Tom. III. стр. 26. Cicero. Tuscul. quaest. lib. 1. c. 6.

(6) См. inst. Hist. Philos. Bruck. ст. 197. 9. 19.

(7) См. Апол. Терт. стр. 92. Conf. Xenoph. de factis et dictis Socratis l. 1, c. 1.

(8) См. Tim. Tom. III. стр. 34.

боги также не могли дать вѣрнаго отвѣта⁽¹⁾, такъ-что, если вѣрить Цицерону, то почти все они разогласили между собою въ томъ: богами-ли съ самаго начала все сотворено, движется и управляется⁽²⁾.

Вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ былъ новымъ камнемъ претканин для философовъ. Мудрецъ персидскій Зороастръ утверждалъ, что отъ вѣчности существуютъ два равныя начала: доброе и злое, свѣтъ и тьма; поэтому зло неизбѣжно, какъ и добро⁽³⁾. Глава академіи, согласно началамъ своей философіи, думалъ, что зло происходитъ отъ злой вѣчной матеріи, которую Богъ никакъ не могъ сдѣлать доброю⁽⁴⁾. Зеновъ, основатель стоической школы, училъ, что добро и зло опредѣлены необходимою судьбою, и слѣдуютъ въ мірѣ по непрерывной связи причинъ и дѣйствій, какъ звѣнья въ цѣпи⁽⁵⁾. Камъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ, суть что набудь большіе мечты и выдумки, съ принятіемъ которыхъ, однакожъ, мы неизбѣжно должны отвергнуть понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества!

И касательно судьбы нашей за гробомъ, мы не находимъ въ древней философіи почти ничего утѣшительнаго⁽⁶⁾. Даже Сократъ, умершій въ уваже-

(1) Удалось все производило изъ воды: Aristot. Methaphys. lib. 1. c. 3. et Cicer. de natur. deor. lib. 1. c. 10. Анаксимандръ полагалъ въ основаніи всѣхъ явленій единое предѣленное: См. очерк. истор. философ., по Рейнгольду на стр. 12. Анаксименъ первымъ началомъ всего признавалъ воздухъ. Inst. Hist. Philos. Bruck. стр. 132. § XI. Демокритъ и Эпикуръ — вѣяние атомы. Idem. стр. 265. § XVI, Платонъ утверждалъ, что міръ образованъ и только образованъ Богомъ изъ вѣчной матеріи (Plato in Philebo); и что душа человека, происходя изъ Бога, имѣетъ въ себѣ ничто матеріальное (in Philebo).

(2) Cicer. de nat. deor. lib. 1, c. 1.

(3) Jacob. Bruck, Inst. Hist. Philosoph. pag. 51. § XI. Conf. Sendanesta, ed. Kleukeri Th. 11. pag. 376.

(4) Plat. in Phileb. Plutar. de anim. procreat.

(5) Inst. Hist. Philosoph. Bruck. Physiolog. Stoic. § 5. стр. 220.

(6) Слостолюбивый Эпикуръ ограничиваетъ существованіе души здѣшнимъ міромъ, говоря, что не надо бояться смерти, потому что мертвый не чувствуетъ... См. очерк. истор. философ. по Рейнгольду на стр. 55. Стоики почитали безсмертіе проблемною: а у Платона и его послѣдователей ученіе о безсмертіи обезображено душепереселеніемъ, и скорѣе располагаетъ къ невѣрію въ наше за гробомъ существованіи, чѣмъ къ вѣрѣ.

ни къ нравственному достоинству своей природы, не сказалъ предъ смертію своею ничего дѣрнаго о ея послѣдствіи⁽¹⁾.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что лучшіе философы древности и сами сдѣлавались въ ограниченности своихъ познаній въ дѣлѣ религіи: „благочестию, говоритъ Платонъ, никто не можетъ научить людей, если не самъ Богъ, придетъ на землю, какъ вождь и паставникъ“⁽²⁾. И Сократъ говоритъ Алкивиаду: „необходимо нужно ожидать наставника, который-бы научилъ насъ, какъ должно вести себя достойно предъ Богомъ и людьми“⁽³⁾. На то-же указываетъ и Цицеронъ, когда говоритъ: „не сознается-ли самій лучшій и глубокомысленный изъ философовъ, что онъ многого не знаетъ, и что ему нужно учиться, да учтсья“⁽⁴⁾...

Обращая вниманіе на способъ, которымъ руководствовались философы, при изложеніи своего ученія, мы видимъ, что онъ полагалъ новую преграду къ распространенію познаній о предметахъ религіи.

Между крѣпкими философами господствовало мнѣніе, что правильное понятіе о религіи и въ особенности о единомъ. Виновиакѣ всего существующаго, можетъ быть удѣломъ не многихъ мужей, достигшихъ высокаго умственнаго развитія; а простой народъ почитался неспособнымъ возвышаться надъ суевѣріемъ. Цицеронъ прямо говоритъ, что философія довольствовалась не многими судьями, и съ намѣреніемъ удалалась черни⁽⁵⁾. Варронъ, одинъ изъ ученѣйшихъ римлянъ, разсуждая о религіи, выразился такъ: „много есть истиннаго, что народу знать полезно, и много ложнаго, о чемъ народу бесполезно думать иначе“⁽⁶⁾. Само-собою разумѣется, что руководимые такимъ предразсудкомъ философы, хотя усматривали нелѣпность народныхъ мнѣній, однако не вооружались со всею ревностію противъ суевѣрія, утвержденнаго

(1) Друзья, говорилъ онъ, настала часъ разлуки: мнѣ должно умереть, а вамъ жить. Кому изъ насъ лучше будетъ—этого, кромѣ Бога, никто не знаетъ. *Plat. in Apoloh. Socrat.* Смерти не бойтесь: она подобна, или глубочайшему сну, или послѣ ея все уничтожается. *Plutarch. in Consolat. ad. Apd. vid. l. VI p. 408.*

(2) *Plat. in Epimenid, pag. 111.*

(3) *Alcibiad. 11. p. 1. r. 2. pag. 296.*

(4) *Cicer. in quaest. Tuscul. lib. 111. Conf. Jambl. in vita Pythagor. c. 82. Quae Deo grata sunt, scire difficillimum est, nisi quis vel Deum ipsum, vel eum, qui Deum audivit, audiverit.*

(5) *Cicer. de divinat. lib. XXII.*

(6) *August. de civit. Dei. lib. IV. c. 10.*

временемъ и навывкомъ. Да едва-ли бытъ, хоть одинъ изъ нихъ, который-бы въ дѣлѣ религiи рѣшился идти на перекоръ своему вѣку. Сократъ, имѣвшій болѣе другихъ возвышенные помысли о Богѣ, одобрялъ однакожъ отвѣтъ дельфійскаго оракула: „боговъ, согласно законамъ общества, должно почитать“ и, если вѣрить Ксенофонту, то поставляя даже въ обязанность „каждому въ дѣлѣ религiи слѣдовать своей землѣ⁽¹⁾!“. А Платонъ настаивалъ, чтобы „въ вѣрѣ принятой ничего не было измѣняемо“⁽²⁾. Говоря о Богѣ, сотворившемъ мiръ, онъ сказывалъ, что трудно Его найти, и запретиалъ объявлять о Немъ пароду, общаясь и самъ говорить о Немъ не иначе, какъ загадками, изъ опасенiя подвергнуть эту великую истину посмѣянiю⁽³⁾. Наконецъ, Цицеронъ, посвященный, какъ авгуръ, во все мистерiи своей религiи, хотя въ 3-й книгѣ о естествѣ боговъ рѣшительно отвергаетъ идолослуженiе, однакожъ тѣмъ не менѣе внушаетъ, чтобы установленiя жрецовъ (pontificum) и авгуровъ были соблюдаемы⁽⁴⁾. Все это ведетъ къ тому заключенiю, что подобныя люди, содержащи истину въ неправдѣ (Рим. 1. 18), и познавши Бога, не хотѣли и не могли быть наставниками рода человеческого въ дѣлѣ религiи (Рим. 1, 21).

Но не имѣя ни расположенiя, ни возможности сообщать человечеству истинныя понятiя о религiи, древнiе философы тѣмъ менѣе могли содѣйствовать исправленiю и его нравственности. Это доказываетъ и жизнь ихъ и правоученiе.

Не говоря уже о эпикурейцахъ, кпренаикахъ и циникахъ, правила которыхъ были притчею въ глазахъ самихъ язычниковъ, водившихся болѣе возвышенными помыслами, мы могли-бы указать на слабыя стороны жизни даже корифеевъ языческой мудрости⁽⁵⁾; но чистота, требуемая Евангелиемъ, побуждаетъ насъ опустить завѣсу надъ дѣлами тьмы: довольно замѣтить съ апостоломъ, что *предане* ихъ Богъ въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту: *во еже осквернитися тѣлесемъ ихъ съ собою самихъ* (Рим. 1, 24; Евес. 4, 17—20). Цицеронъ, по тщательномъ изслѣдованiи жизни филосо-

(1) Воспомин. Ксеноф. кн. 10.

(2) Плат. о зак. 5.

(3) Письмо 2-е къ Деметрiю. Conf. Cic. de natur. deor. Lib. 111, стр. 2.

(4) Conf. de legibus. Lib. 11. cap. 3.

(5) Senec. de vita beat. cap. 10.

фовъ, дѣлаетъ о нихъ далеко не лестные отзывы: „какой, философъ, говоритъ онъ, жилъ такъ, какъ требовалъ того разумъ?... Кто изъ нихъ былъ послушенъ своему уму и правиламъ?... Одни были преданы сребролюбію, другіе тщеславію, а иные другимъ страстямъ, такъ-что ихъ живыи и ученіе удивительно какъ разногласятъ между собою“⁽¹⁾.

Но если правила нравственности, внушаемыя философами, не были можно было оправданы собственною ихъ жизнью, то могли-ли они имѣть силу и важность для другихъ? Не вправдъ-ли былъ всякій спавать такимъ наступникамъ: *врачу исцѣлится самъ* (Лук. 4, 23)? И всегда-ли возвышенныи и поногрѣнныи были эти правила? Не большая-ли часть изъ нихъ вроннп-пута самыи трубами заблужденіямъ? Такъ, это, говоря словами св. Амвро-сія, только снаружи было золото; если-же посмотрѣть во внутрь (*intus*), то находимъ только руду⁽²⁾.

Самоубійство, противъ котораго такъ рѣшительно возстаетъ христіанская нравственность, одобрялось, даже славными въ своемъ родѣ мужами древности, а стоики отзывались о немъ, какъ о самомъ добродѣльномъ поступкѣ, прбславляя, какъ нѣчто такое, за исполненіе чего должно благодарить бо-

(1) Tuscul. quaest. lib. 11. c. 4.

(2) См. Epist. 82. И у Эпикура есть трактатъ (*liber*) о святости говорить съ на- сѣбнкою Цицеронъ; по какой бытъ святости тамъ, гдѣ дѣлами человѣчекими управляютъ не боги? Хотя-бы никогда не было такого бога, который не жаждетъ ни благодарности, ни любви людской. Да у лучшихъ представителей стоической школы—наряду съ прекрасными правилами, читаемъ: наживайтесь друзьями, наживайтесь! наживайтесь, гдѣ можно, честно, и гдѣ иѣтъ-зя, тамъ какъ ни пошло наживайтесь; а о добродѣтели уже почти подумаемъ. Цицеронъ, вовсе не спавивъ насъ надъ собою: онъ не столь мужественъ. Онъ поддерживается отъ удовольствій, потому что не можетъ ницъ наслаждаться: мы—потому что не хотимъ. Онъ иѣтъ сѣраданій: мы—превыше ихъ!... (Vid. Horat! o Cives! *quaerenda paecunia primum, virtus post nummos; rem facias, rem, si possis recte, si non, quocunque modo rem!*..) Senec. Epist. V. de providentia b. Или мудрый, говоритъ Сенека, не предается никогда соблазнаю. Сожалѣніе; старухами и дѣвочками престоупи- но принимаемое за добродѣтель, пороку... Мудрый никогда не прощаетъ. (*Misericordia est aegritudo animi... Sapiens non miseretur... non ignoscit*). Эти слова Сенеки (*Conf. de Clementia 11. 4, 5 и 6*) выражаютъ чистое ученіе стои- ковъ, какъ оно утверждено Цицерономъ (*Tuscul. quaest. 4*) и оспорено блж. Авгу- стиномъ, (*о градѣ Бож. 1. XIV*). И не на гордости-ли основана вся мнѣня сила стоицизма? По-крайней-мѣрѣ, чѣмъ другимъ объяснимъ себя слова Сенеки?

говы⁽¹⁾. И употреблять ложь, особенно въ отношеніи къ простыкамъ, мудрецу также не вліялось въ безчестіе⁽²⁾.

Болше можетъ нравиться нравственность Платона: она пробуждала иногда въ сердцахъ почитателей его сильное стремленіе ко всему высокому и благородному. Но справедливость требуетъ сказать, что и его нравственный принципъ невзяты отъ заблужденій: не одобряя, напр., пьянство въ обыкновенные дни, въ день празднованія Бахуса, онъ не находилъ предосудительнымъ упиться до излишества⁽³⁾; въ супружествѣ позволялъ имѣть общія жонки⁽⁴⁾, даже родныхъ сестеръ⁽⁵⁾; и одобрялъ подкидываніе дѣтей. Самъ Сократъ училъ Теодотію визкому искусству — обольщать юношей⁽⁶⁾. До такой степени, сбивчивъ и новѣропы взглядъ философовъ древности на самыя коренныя правила жизни!

Заключимъ изслѣдованія наши о не удовлетворительности естественной религіи, столь разительна высказавшейся въ ученіи и жизни древнихъ мудрецовъ; словами Канта, который говоритъ: „я не нахожу въ древней философіи ни нистаго понятія о Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ и какъ о нравственномъ виновникѣ и правителѣ міра, ни основанія истинной нравственности, которая у стоиковъ является слишкомъ сурою, а у эпикурейцевъ слишкомъ слабою⁽⁷⁾. Такой отзывъ о скудныхъ плодахъ древней философіи, для образованія современнаго ей человечества, сдѣланный однимъ изъ самыхъ жаркихъ поборниковъ разума, весьма ясно указываетъ на недостаточность самаго рационализма, который почитаетъ по нуажно откровенную религію, при религии естественной.

Впрочемъ, для естественной религіи настала лучшій періодъ, со времени христіанства. Идеи ея видію обогородилась. Но и въ этомъ періодѣ своего развитія, какъ мало представляла она основаній для познанія истины! Чему учить насъ, наприм., философія французская, развивавшаяся до революціи

(1) Cicer. de fin. 111, 8, 18.

(2) Vid. stob. 1. стр. 230.

(3) Плат. о зак. lib. 6.

(4) Плат. о респ. lib. 4.

(5) Dialog. 5 in Republ.

(6) Vid. Xenoph. de dictis et factis mirab. 1. IV. стр. 2.

(7) Vid. Lenisech. Beschreiben an Spalding pag. 55, 92. Conf. Institut. Theol. Feier. T. 8. p. 70.

въ средѣ, такъ называемыхъ, энциклопедистовъ? Не самому ли грубому материализму, издѣвавшемуся надъ всѣмъ духовнымъ? Парижская академия — представительница высшей европейской учености XVIII ст. — торжественно отвергла бытие Божіе⁽¹⁾. Современный намъ де-Саси, въ предисловіи къ двумъ толкамъ томамъ своей духовной библиотеки, говоритъ: «въ философіяхъ жизни и пепіяхъ; по большей части, меня удивляетъ то, что, желая помянуть основанія, онѣ всего чаще приводятъ къ послѣдствіямъ обратнымъ». Тайна не въ точкѣ отправленія, а въ выводахъ, которые касаются насъ гораздо ближе. Пантеизмъ, всеобоготворяющій, уничтожаетъ различіе между добротами и зломъ. Сенсуализмъ иеретъ въ глубокомъ эгоизмѣ. Скептицизмъ, оставаясь среди сомнѣній, невозможно, требуетъ отъ человѣческой природы, жаждущей знанія, върваній, чтобы она только дышала, мыслила и дѣйствовала. И философы Германіи, мудруясь *по стихіямъ міра; а не по Христу* (Кол. 2, 9), далеко ли оставили за собою язычниковъ въ изслѣдованіи о Богѣ? Слѣдя за развитіемъ ихъ мыслей о Существомъ высочайшемъ, находимъ, что нѣкоторые изъ нихъ святоотечественно постигли на самое единство существа Божія, столь долго и столь побѣдоносно оспориемое разумомъ и многобожіи, и раздробили его на разные виды множественности. Мало этого: они взяли міръ, оняши у него начало и стали вводить его различными способами въ составъ Божественной природы, думая чрезъ то объяснить непостижимую тайну жизни Божественной. Такимъ образомъ, Творца поставили въ зависимость отъ каждой твари, какъ необходимой для подногья его бытія. И тутъ безпредѣльный начинаетъ у нихъ вмѣстѣ съ міромъ подлежать развитіямъ, постепенностямъ, усовершенствованіямъ! Но, что всего богопротивнѣе, такъ какъ міръ теперь подлѣжитъ несовершенствамъ, то и эти несовершенства должили отразиться въ образѣ бытія Божественнаго, какъ неизбежно условіе жизни и совершенствъ Божественныхъ⁽²⁾. Въ такой-то несходный мракъ заходитъ мудрость человѣческая, мудруясь о Богѣ — безъ Бога!

(1) Bernard. des Pierre oeuvres. T. 1. p. 245. D. X. кн. IV. отд. I.

(2) Вообще новѣйшая философія въ Германіи носитъ на себѣ характеръ пантеизма. Тилье наприм., по взгляду Фихте, духовныя недѣланныя суть формы, въ которыхъ проявляется Богъ — всеобъемлющая жизнь (См. очерк. филос. по Рейнгольду, стр. 182). По мысли Шеллинга: „природа есть основаніе божественнаго бытія, Богъ въ своемъ самодыновеніи“⁽¹⁾ Призывалъ, такимъ образомъ, во всемъ обнаруженіе всеобщей и единой жизни; Шеллингъ отвергъ чрезъ это въ существахъ разумныхъ личность и съ нею все счастье и блаженство царице. (Conf. Schelling. Philosoph. schrif. pag. 429). По системѣ Фехеля: „и въ Божествѣ“

Богооткровенная религія есть величайшее сокровище рода человеческого и составляет существенную потребность какъ мудреца, такъ и пещьбды, а потому ея внушенія должны быть понятны всѣмъ и каждому. Но такъ-ли религія предлагаемая цовѣйшею философіею? Кто изъ неосвященныхъ въ тайны науки пойметъ эту неопредѣленность и сбивчивость въ понятіяхъ? Кто согласитъ эти безконечныя разногласія, которыя прѣвдодятъ въ недоумѣнію даже опытныхъ въ дѣлѣ философіи? „Ни въ логическихъ, ни въ философскихъ познаніяхъ нашего времени, говоритъ Ваконъ, нѣтъ ничего здраваго...; почти все оно фантастично и худо опредѣлено⁽²⁾. Весьма важное заблужденіе заключается въ удаленіи наукъ отъ ихъ истинной цѣли... Не можете быть, чтобы правильно совершался ходъ тамъ, гдѣ неправильно указана самая цѣль⁽³⁾. Но если-бы и была опредѣлена цѣль наукъ, то къ ней нельзя прійти тѣмъ путемъ и посредствомъ тѣхъ методовъ, которыя нынѣ въ употребленіи: чловѣка мыслящаго они поражаютъ своею нецѣлесообразностью⁽⁴⁾.

въ томъ смыслѣ, какъ признаетъ его здравый смыслъ: ея Богъ есть диалектическая всеобщность, осуществляющаяся въ душахъ человеческихъ“... Безъ чловѣка и міра—Богъ не былъ-бы „Норгомъ“ (Hehels Religions Philosoph. Т. XI. pag. 140. Т. XII. p. 151, 330). И такъ, возвышая природу до божественности, Гегель унизилъ Существо верховное до бездушныхъ тварей!...

(1) Даже въ самомъ понятіи о религіи разногласятъ новѣйшіе философы. По мысли, наприм., Канта, она есть признаніе практическаго закона—за законъ божественный; Фихте доставляетъ се въ убѣжденіи о порядкѣ міра нравственнаго; по мнѣнію Шеллинга, она есть умственное содержаніе Божества безусловнаго и происходящее отъ сего стремленіе къ Его удобовѣрному (Conf. Inst. Theolog. Feier. Fom. VII. 37, 38). „О непосредственной религіи говоритъ Гегель, думаютъ, что она должна быть самою истинною, самою превосходною, божественною религіею; и что она должна быть исторически первою. По нашему взгляду, она есть самая несовершенная, а отъ того и первая, тогда какъ по вышесказанному представленію, она хотѣ первая; однакожь самая послѣдняя“. Отвергая потомъ понятіе о первоначальности совершенствъ чловѣка, онъ такъ понимаетъ первоначальное состояніе: „состояніе невинности есть то, въ которомъ для чловѣка нѣтъ еще ничего добраго, ни злаго“... Соответственно такому началу, у него нѣрѣдкія формы религіи есть религія природы, раскрывающаяся, какъ религія волебогва (дикарей и Китая), потомъ какъ религія фантазіи (индійская) и наконецъ, какъ религія свѣта (зороастрова) и загадки (египетская). За тѣмъ слѣдуютъ религіи духовной индивидуальности (иудѣйская, эллинская и римская) и наконецъ абсолютная религія (христіанская), представляющая съ точки зрѣнія его системы. Vorlesungen über die Philosophie der Religion. 1832. В. 1. pag. 190, 193.

(2) N. org. 1. Aph. 15.

(3) N. org. 1. Aph. 81 и 82.

(4) N. org. 1. Aph. 82, 105. И многоли пѣбли послѣдователей Канта, Фихте, и Гегеля—послѣдователей таковыхъ, кои-бы вносили достигаи мысль своего протавника? Какъ

Наконецъ, философы, ограничиваясь одними естественными началами познания, и сами не усвоивъ своему учению характера свыше, человеческого. Между тѣмъ, въ дѣлѣ религій, которой должны подчиняться и разумъ и совѣсть человека, что значитъ авторитетъ только человѣскій? Совершенно ничто! — Потому что каждый изъ насъ имѣетъ право и способность думать, что проповѣдникъ религій есть такой-же человекъ, какъ и мы, и, следовательно, какъ и другой, — не имѣетъ власти надъ совѣстью подобнахъ себѣ. Безцѣльная попытка со стороны теофилактритизма, поучавшагося въ прошломъ столѣтїи, во Франціи, подрезать знамя естественной религій, на развалинахъ религій откровенной⁽¹⁾, — какъ, нельзя лучше доказала справедливость словъ блаж. Августина, что, «безъ вышшаго авторитета не можетъ быть истинной религій»⁽²⁾.

И такъ скудные источники земной мудрости, окошко бы ни углубляли ихъ никогда не дадутъ воды живою (Евр. 2, 18). Възъ Сына не узнаютъ Отца, а его познаетъ только тотъ, кому Сынъ открытъ, восхожденъ (Матѣ. 11, 27). Сомнѣвающимся въ этой несомнѣнной истинѣ, довольно указать на тотъ длинный рядъ философовъ, отъ Фалеса до позднѣйшихъ философовъ, которые, подобно столпамъ, стоящимъ при пути, ясно указывали только то, что, на самомъ реченомъ, каждый изъ нихъ отстоялъ отъ истины религій, сами-же собою не довели, или довели, по-мужи, ни до богопознания, ни до благоугождения Господу (Рим. 1, 21, 22, 3, 10, — 18).

(Окончаніе будетъ).

Аристотель никогда свара до себя incertus morior; такъ и послѣдній до часу, своимъ явномъ противорѣчіемъ съ здравымъ смысломъ Гегель не сознался ли горжеественно, въ предсмертныя минуты, что никто его не понималъ? Voyez Revue des Deux mondes, T. 1, стр. 19, janvier, 1843.

(1) Conf. Staudem Beytrage zur Philosophie und Geschichte der Relig. 1. Th. p. 222, sq. 111. Th. § 368. Conf. Ayt. Reveillere Lepaux-Parissis. Не потребная женщина, говоритъ Маколей, воссади на богатыхъ креслахъ въ алтарь собора Notre Dame, принимала поклоненіе нѣсколькихъ тысячъ людей, которые восклицали: наконецъ-то въ первый разъ древніе готическіе своды «отмѣнились каменными истинными». Смотр. полное собраніе счтеній Маколей, Томъ III, стр. 146.

(2) August. de utilitate credendi — c. q. Religio vera sine quodam gravi auctoritatis imperio nullo modo miri recte potest.

С Л О В О

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Помыслите такоев пострадавшаго отъ грѣшниковъ на Себе прехословіе (поруганіе), да не стужаете, душами своими ослабляеми. (Евр. 12, 3).

Не на радостное, какъ видите, зрѣлище собралась насъ, братія, святая церковь — нынѣ. Огласивъ нашъ служъ страшною вѣстію страданій Богочеловѣка она въ то же время предлагаетъ очамъ нашимъ самое изображение Божественнаго Страдальца, только что снятаго со креста. *Отъ ногъ даже до глазъ исты въ Немъ уязвоты.* Онъ весь въ ранахъ, весь въ крови, какъ-бы не обсыхшей доселѣ! Такъ какъ Онъ *язвенъ бысть и за грѣхи наша, и мученъ за беззаконія наша* (Исаія 53, 5); то храмъ сей теперь для насъ есть то же, что Голгофа, и мы, при видѣ сладчайшаго Иисуса — мертвца, ната, не погребенна, должны, подобно Иосифу и Никодиму, *(Благодарныи по Немъ плачь воспріять,* должны пѣть и воспоемъ исходныя пѣсни Ему, какъ-бы забывъ на время, что сей Распятый за насъ Господь, сѣдя одесную Отца, внемлетъ въ сіи минуты хвалебныя гласы Серафимовы!

Но для чего св. церковь ежегодно приближаетъ, не только къ слуху, но и къ самому зрѣнію каждаго изъ насъ, страданій и крестъ Господа нашего? Удовлетворительный, какъ намъ кажется, отвѣтъ на это заключается въ словахъ св. ап. Павла, коими предначали мы настоящее собесѣдованіе съ вами: *помышляйте*, говоритъ онъ, какъ-бы указывая на сію плащаницу; *помышляйте о претерпѣшемъ отъ грѣшниковъ такое надъ Собою поруганіе, чтобы вы не унывали и не ослабѣвали въ душахъ вашихъ.* Заповѣдь для насъ не трудная, между тѣмъ весьма благодѣтельная по своимъ послѣдствіямъ.

Помышляйте о претерпѣшемъ отъ грѣшниковъ такое надъ Собою поруганіе

Казалось-бы не нужно намъ напоминать о сладостной для сердецъ нашихъ обязанности помышлять о безпримѣрномъ поруганіи и страстяхъ Господнихъ. Ахъ! можно-ли о нихъ забыть тому, кто имѣетъ умъ для помышленія, сердце — для любви? Много, конечно, среди насъ здѣсь дѣтей добрыхъ, друзей искреннихъ; но мало, безъ сомнѣнія, есть и признательныхъ за благодѣянія къ другимъ: кто-же изъ насъ не помышляетъ, и очень часто при томъ, о бѣдахъ

близкихъ къ нашему сердцу?— Кто не вспоминаетъ о тѣхъ, по крайней мѣрѣ, незабвенныхъ случаяхъ и жертвахъ, коими единойды навсегда плѣнили наши сердца, либо любовь родительская, либо дружба пѣнная, или благовременное благодѣяніе благодѣтеля безкорыстнаго?— Мало сего: чтобы увѣковѣчить навсегда, память лицъ, драгоцѣнныхъ для сердца, иже—изъ признательности, быть можетъ, сплели съ нихъ даже изображенія—и хрानять ихъ, какъ святыню. Но въ тысячу-тысячъ кратъ болѣе всѣхъ—и родителей нашихъ и друзей и благодѣтелей—имѣетъ права Искушитель нашъ на то, чтобы мы денно—ночно о Немъ помышляли, чтобы никогда не забывали Его благодѣянія безпримѣрныя и неисчислимыя, чтобы Его Лицъ божественный, особенно-же отрадный для сердца образъ Его страданій, никогда не выходилъ изъ нашей памяти и не удалялся, по требованію моды, съ глазъ нашихъ. Васъ изумляетъ высота небесъ и бездонная глубина пучинъ морскихъ: но несравненно ихъ выше и неизмѣримѣе любовь къ намъ Спасителя: недостигаемая, какъ первая, и неизмѣримыя, какъ вторая, она въ полномъ смыслѣ есть бездна, препобѣдившая послѣднюю бездну грѣховъ, насъ обшпедшую и поглотившую. Подумайте только: чего не сдѣлано Сынъ божественный? Стрдадалъ, чтобы сблизить насъ съ Богомъ, сблизилъ къ лицу ангельскому, вмѣсто духовъ отпадшихъ, чтобы, наконецъ, содѣлать насъ участниками Божественнаго естества? Сынъ Божій, второе Лице живоначальныя и нераздѣльныя Троицы, Творецъ всего видимаго и невидимаго—и навѣтъ праотецъ Адамъ въ грѣховнѣй безднѣ валяйся съ своими потомками: можно-ли придумать крайности болѣе несовмѣстныя одна съ другою, разстояніе, болѣе противоположное? И—однако-же эти крайности совмѣстились, это разстояніе сблизилось на Голгофѣ, на крестѣ! Сынъ Божій пострадалъ и умеръ, какъ сынъ человѣческій, а мы грѣшныя спасены Имъ, подъяты на небеса небесъ, обожены! И о Сынъ-то небесномъ Другѣ, о Сынъ-то безпримѣрномъ нашемъ Благодѣтелѣ, положившемъ душу Свою праведную за насъ,—не мыслить? Не припоминать себѣ вину: какъ Его поносили за насъ, какъ гнали, но—давалъ мѣста, гдѣ-бы Онъ могъ главу преклонити, какъ зашали, облевали, мучили, ко кресту пригвоздили? О чемъ-же послѣ сего и мыслить намъ часто и долго, съ сладкими слезами притомъ? Развѣ можно еще вайти, гдѣ либо предметъ возвышеннѣе для ума, любящаго стремиться къ созерцанію истины, усладительнѣе для сердца, способнаго любить верховное благо и, наконецъ, успокоительнѣе для совѣсти нашей, жаждущей мира съ Богомъ? Можно-ли—не

можно, столько: мы часто и долго размышляемъ, — подъ часъ, — но не о Господе дѣла думаемъ, но на д страданияхъ и крестной, смерти Его, а думаемъ и размышляемъ, даже здѣсь, иногда по св. храмѣ, даже, можетъ быть, теперь — при Его гробѣ, въ виду Его прободеннаго ребра, изъязвленныхъ пречистыхъ рукъ и ногъ, — думаемъ о идолахъ своихъ: о предметахъ страстей своихъ и похотей. О! блаженъ, кто имѣть и разбить сихъ *бравовъ креста Христова* теперь же о *сей крауголный камень* (1 Петр. 2, 6) нашего спасенія, камень, отвергнутый Иудеями и досель пренебрегаемый вольподушествомъ и, нерадивиемъ. Церковь дѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы остановить наше вниманіе на страданияхъ Христа-Спасителя; она, между прочимъ, ежегодно отдѣляетъ два дня на воспоминанія о нихъ, и если-бы мы вмѣстѣ съ нею, каждую среду и пятокъ, по возможности, раздѣляли снъ воспоминаній, то образъ страданій Христовыхъ давно-бы наполнилъ душу нашу; давно бы мы, подобно ап. Павлу, *не судили что видѣти, точію Иисуса Христа и Его распята*. (1 Кор. 2, 2), *и не хвалились-бы*, какъ и оцъ *ничимъ* другимъ, *разом крестомъ Господа нашего Иисуса Христа*. (Гал. 6, 14). Но это прекрасное средство остается для многихъ изъ насъ безъ употребленія: по свидѣтельству горькаго улики — опыта, многие изъ насъ не знаютъ, да и знать не хотятъ, что значить среда и пятокъ. Какъ-же побѣдъ сего образу браданій Христовыхъ быть въ душѣ нашей, когда мы не стараемъ не только оживлять и утверждать его въ ней?

И такъ помышляйте, какъ можно чаще, *помышляйте о претерпѣшемъ отъ грѣшниковъ такое поруганіе*; помышляйте, если не по любви, уже по признательности къ Нему; то, по крайней мѣрѣ, для собственнаго же нашего блага; *забыли вы, по слову Апостола, не унижали и не ослабляли отъ душъ вашихъ,*

Отъ дачади и уныніа, а затѣмъ и отъ душевнаго расслабленія, — не изъять изъ насъ ничто. Но у одного Христа-Спасителя, а и у каждаго изъ насъ есть самый великій пяттокъ: своя доля огорченій, кручинъ сердечной, страданій, и наконецъ, своя кончина, — мирная-ли она будетъ, какъ у праведниковъ, — или люта, какъ смерть всѣхъ грѣшниковъ. Скорбятъ начальники, не видя должнаго ни къ себѣ, ни къ закону уваженія: стоятъ, подъ часъ, и подчиненные отъ ихъ руки тяжелой; жалуются бѣдняки на бѣдность свою, — доводятся, нерѣдко, обливаться слезами своею золотою богатствъ; сѣгуютъ вдовцы и сироты, для всѣхъ какъ-то чужія; предаются унынію ученые, умѣютъ скорбѣть точно также и невѣжды; воздыхаютъ васыри, служители алтара Господня, читая мрачннй свитокъ грѣховъ нашихъ, и не видя въ нихъ исправленія; обкаиваемъ себя подъ часъ и мы сами, что не Христосъ живетъ въ паву, а страдаемъ съ грѣшниками, что *не еже бо хоцелм доброе, творимъ: но еже не хоцелм злое, сіе содѣваемъ* (Рим. 7, 19); тужать дружи

человѣчества, при видѣ, съ одной стороны, торжествующаго порока, съ другой—говимой добродѣтели и въ тугѣ своего сердца, водиютъ ко Господу: *Господи! что яко путь нечестивыхъ сплется* [Перс. 12, 1]? Но не торжествуютъ, не блаженствуютъ-же и пазвергу, въ враги креста Христа: нѣтъ, и у нихъ есть кресты, и кресты иногда тяжелыя, кресты такіе, съ которыхъ небесное правосудіе не сниметъ ихъ даже и въ аду, если они во время не покаются: это воспоминаніе ихъ о прошедшемъ,—это горькая пенювдъ ихъ-же собственной совѣсти о содѣянныхъ ими и тайныхъ козвяхъ и лвиныхъ злодѣяствахъ!—Словомъ: всё, и каждый изъ насъ, если не скорбѣли и не страдали, то будемъ, непрѣменно будемъ скорбѣть и страдать.—И тяжела иногда бываетъ эта скорбь, эта грусть безотрадная! Она давитъ сердце, какъ камень, холодитъ его, какъ ледъ. Въ душѣ, какъ въ мотыль тогда: нѣтъ ни свѣта, ни жизни.

Чѣмъ-же и какъ отвратить эту скорбь, сію печаль убійственную, отъ которой онускаются руки, прерывается ходъ всякой дѣятельности—на часы, дни, мѣсяцы и годы, палуциеся, поэтому самому, для насъ безконечными? Искать помощи у людей? Но на нихъ, какъ пать не безызвѣстно, плохал надежда: *каждо своихъ си нынѣ смотрелъ, а не лже суть ближнимо; да и суетно*, говоритъ пророкъ Давидъ, *спасеніе человѣческое* [Пс. 59, 1]. И такъ всего скорѣе и легче, намъ можно обогчать свою горе въ такє минуты и дни,—частымъ размышленіемъ,—пусть сначала и неприятымъ по правящимся размышленіемъ—о немовѣрныхъ и превышающихъ велику мѣру челоѣческаго терпѣнія—страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа, Который, въ вѣсто *предлежущаго Ему радости,—претерпѣ крестъ* [Евр. 12, 2].

И такъ вымышляйте-же, чаце помышляйте сътуюція души и сердца тоскуюція о: претерпѣшемъ отъ грѣшникъ такое: надъ Собою проуганіе! Не забываете, приводя, себѣ на память, какъ Онъ—Начальникъ и Совершитель нашел при, *плещи Своя одахъ на раны, и ланиты Своя на заушеніа, мѣа-же Своего не отврати отъ стыда заплеванія* [Исаі. 50, 6], какъ изъясвлена была Его глава вѣиномъ терновымъ; какъ послѣ изпуришнаго нествія подъ крестомъ на Голгоуе, совлекались послѣдніа одежды Его; какъ потомъ распростерли Его, прибили гвоздми и рущи и нозѣ Его ичестія; какъ лплась потоками кровь Его за насъ честная; какъ, наконецъ, завѣщалъ Онъ намъ грѣшникамъ въ лицѣ покающагося разбойника,—царю небесное: приводите, говорю, все сіе на память себѣ: чаце съ несомнѣнною вѣрою въ Его крестныа заслуги, съ полною надеждою на Его любовь, върамъ пламенную,—и горе—будъ оно того тяжелой—не убьетъ васъ, уныніе не ослабитъ вашей дѣятельности—пужкой и, быть можетъ, благопотребной дѣицерки, отечества и семьи родной.—Вы сойдете тогда со

креста своего, на который возвела, или быть может, возведеть васъ лю-
бовь Отца небеснаго; не въ адъ, а възойдете по степенямъ вѣры и смирен-
ной преданности въ волю Божию, подобно благо разумному разбойнику, въ
рай покоя и сладости сердечной.

Господи, воздвигни силу Твою и приди, во еже спасти насъ. Аминь.

Г. Е. А.

Разныя Извѣстія.

ПОСѢЩЕНІЕ АСТРАХАНСКОЙ СЕМИНАРІИ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТОМЪ ГРАФОМЪ ЛОРИСЬ-МЕЛИКОВЫМЪ.

5-го сего марта, въ понедѣльникъ, во второмъ часу по полудни, посѣтилъ
Астраханскую семинарію Временный Астраханскій, Саратовскій и Самарскій
Генералъ-Губернаторъ, Генераль-Адъютантъ Графъ Лорисъ-Меликовъ. Его
Сіятельство, прибывши въ семинарію, во время обѣда воспитанниковъ, отпра-
вилъ прежде всего въ столовую; здѣсь онъ пробовалъ пищу, распространялъ
каждой кушанью приготовляете въ разное время. Изъ столовой онъ отпра-
вилъ въ классы и, внимательно обозрѣвалъ ихъ, освѣдомлялся о томъ—сколько
воспитанниковъ помѣщается въ томъ или другомъ классѣ. Послѣ того осма-
тривалъ спальни и прочія ученическія помѣщенія. Устройство, порядокъ и
чистота въ помѣщеніяхъ произвели на высокаго посѣтителя самое пріятное
впечатлѣніе, такъ что онъ нѣсколько разъ съ особенною похвалою отзывался
объ этомъ и выражалъ полное свое одобреніе сопровождающимъ его ретору и ин-
спектора. Прощаясь съ семинаріею, Его Сіятельство обратился къ воспитан-
никамъ съ такими словами: „вы, господа, поставлены здѣсь въ самыя луч-
шія воспитательныя условія“

СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣлъ официальный: 1) Разорженіе старшаго начальства—объ освященіи вновь устроенныхъ или перестроенныхъ церквей; 2) Разныя извѣстія: Утвержденіе въ должностяхъ, опредѣленіе, церемоніеніе и проч. **Отдѣлъ неофициальный:** 1) О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія (продолженіе); 2) Слово въ Великій Пятокъ. 3) Разныя извѣстія: О посѣщеніи Астраханской семинаріи генераль-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ.

Редакторъ Я. Лебецинскій.